

ИНЖЕНЕР ПЕРЕМЕН

Андрей Северский

Инженер перемен

«Автор»

2026

Северский А.

Инженер перемен / А. Северский — «Автор», 2026

Осень 1996 года. В промышленном Яровске одна за другой замолкают телефонные линии — сначала завод, потом больница, затем целые районы. Ведущий инженер городской сети Илья Ветров видит в авариях слишком точный порядок, чтобы списать его на изношенные кабели. Когда начальство требует молчать, Илья собирает техников, диспетчеров и радиолюбителей, чтобы вернуть городу связь в обход официальной станции. Но каждый восстановленный узел открывает новую часть чужого плана, а построенная ими сеть становится ценнее самого предприятия. Теперь Илье предстоит решить, кому принадлежит голос города — тому, кто держит рубильник, или тем, кто готов отвечать друг за друга.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Тишина на литейной	6
Карта без красного	11
Чужая пломба	16
Двадцать минут голоса	21
Абонент не существует	25
Цена прямого провода	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Андрей Северский

Инженер перемен

От автора

Город обычно замечает связь лишь дважды: когда она появляется и когда исчезает. Всё остальное время провода, станции и люди, которые их обслуживают, существуют где-то за стеной — как кровеносная система, о которой не думаешь, пока она исправна.

Эта книга — о специалистах, чья работа редко выглядит героической со стороны. О тех, кто среди шума отличает неисправность от чужой воли, умеет чинить вещи и постепенно понимает: нейтральных систем не бывает. Если от твоего решения зависит, кто сможет вызвать врача, сообщить правду или услышать другого человека, инженерный выбор становится человеческим.

Республика Северин, Яровск, предприятия и персонажи романа вымышлены. Технические детали служат истории и не являются руководством по работе с реальными сетями связи.

Тишина на литейной

Телефон на столе Ильи Ветрова замолчал за секунду до того, как завывла сирена комбината.

Сначала он услышал щелчок в трубке — сухой, почти вежливый. Потом исчез привычный фон станции, слабое электрическое дыхание, которое за пятнадцать лет сделалось для него разновидностью тишины. И только затем за окнами «Ярсвязи» протянулся низкий гудок литейного цеха.

Илья нажал на рычаг аппарата.

— Кросс, ответьте.

Ничего.

Он поднялся так резко, что стул отъехал к шкафу. На стене висела схема городской сети: синие линии жилых районов, зелёные — ведомственных абонентов, красные — аварийных служб. На участке между центральной станцией и комбинатом не горела ни одна контрольная лампа.

В аппаратную вбежал Глеб Туманов, молодой техник с неизменным карандашом за ухом.

— У них ковш завис над разливочной площадкой. Диспетчер успел сказать два слова, потом всё легло. Радио в цехе тоже молчит.

— Радио не наше.

— Но молчит одновременно.

Это было хуже. Обычный обрыв выбирал кабель, а не все способы связи сразу.

Илья снял со стены связку ключей.

— Машина во дворе?

— Уазик без второго цилиндра считается машиной?

— Сегодня считается.

На лестнице их перехватил начальник управления Борис Ланцов. Галстук у него был ослаблен, но пиджак застёгнут — значит, он уже разговаривал с кем-то важным.

— Ветров, куда?

— На литейную.

— Центральный кабель цел. Мне только что доложили.

— Кто?

Ланцов помедлил.

— Аварийная служба.

— Наша аварийная служба сейчас стоит рядом со мной.

Глеб машинально оглянулся, словно ожидал увидеть за спиной ещё одну, правильную службу.

— Не умничай, — сказал Ланцов. — Ждите распоряжения. На комбинат уже выехал «Контур».

Название Илье не понравилось больше, чем молчащий телефон. Частная фирма появилась в Яровске весной: новые машины, одинаковые серые куртки, обещания заменить половину городской сети. Денег у города на их обещания не было, зато у фирмы почему-то были ключи от нескольких муниципальных шкафов.

— С каких пор «Контур» чинит нашу линию?

— С тех пор, как у них есть оборудование.

— А у нас есть ответственность.

Илья обошёл начальника. Ланцов схватил его за рукав, но сразу отпустил — не из слабости, а потому что в коридоре появились люди.

— Если полезешь без допуска, отвечать будешь сам.

— Так быстрее.

Узик завёлся с третьей попытки. Пока Глеб удерживал капризную передачу, Илья листал потрёпанный аварийный журнал. Главный кабель шёл к комбинату по восточному коллектору. Резервную пару сняли два года назад после затопления. Оставался старый ведомственный ввод, когда-то соединявший заводскую пожарную часть со штабом гражданской обороны.

На перекрёстке узик встал. Глеб выругался, заглушил двигатель и полез под капот. За лобовым стеклом тянулась очередь к продовольственному магазину. Люди смотрели на заводской дым, но не расходились: в Яровске тревога редко отменяла очередь.

— Катушка опять, — сказал Глеб. — Минут пять.

— У нас нет пяти.

Илья выскочил из машины и остановил заводской автобус. Водитель не хотел открывать дверь без путевого листа. Тогда из салона вышла женщина в литейной робе и узнала Илью.

— Это связист. В прошлом году у нас диспетчерскую поднял.

Дверь открылась. Глеб остался с узиком, а Илья поехал дальше среди рабочих ночной смены, которых срочно вызвали обратно. Никто не знал причины. Один мужчина предположил прорыв газа, другой — забастовку. За три остановки неизвестность успела породить пять версий.

Илья подумал о Даше. Утром он оставил ей записку на холодильнике: «Буду к семи. Разогрей суп». После смерти Оли они привыкли сообщать друг другу время возвращения. Теперь домашний телефон молчал, и дочь не знала, что обещание уже нарушено.

Он мог попросить водителя остановиться у их дома. Потратил бы две минуты, предупредил. Вместо этого остался в автобусе. Решение было правильным и всё равно ощущалось предательством.

— Его же демонтировали, — сказал Глеб, не отрывая глаз от дороги.

— Собирались.

— Это разные вещи?

— В нашем городе — самые разные.

У проходной комбината толпились рабочие. Охранник узнал Илью и поднял шлагбаум. Над корпусами висел бурый пар. Сирена оборвалась, но от этого стало не спокойнее.

Диспетчер литейного встретил их у лестницы.

— Ковш застыл на приводе. Под ним люди не стоят, но отвести не можем. Внутренние переговорные умерли. Посыльные бегают между этажами. Если давление уйдёт...

— Где начальник смены?

— На верхней площадке.

Илья не стал подниматься. Он повёл Глеба в старый пожарный пост, где за шкафами хранился чёрный телефон без диска. Аппарат был покрыт пылью, шнур обрезан.

— Вот твой демонтированный ввод, — сказал Глеб.

Илья отодвинул шкаф. Из стены выходила свинцовая оболочка кабеля. Конец действительно обрезали, но не выдернули.

— Демонтировали аппарат. Линию оставить было дешевле.

Они зачистили пару и подключили переносную трубку. В ней не было сигнала, зато слышался ровный треск.

— Далеко не уйдёт, — сказал Глеб.

— Нам не далеко. Нам до старого штаба.

Штаб теперь занимал склад трамвайного депо, в трёх кварталах от комбината. Если кабель сохранился, там можно было выйти на диспетчерскую линию, а через неё — на городскую станцию.

Начальник смены спустился с площадки и потребовал немедленно подать команду на привод по найденной паре. Илья отказался: линия ещё не была проверена, одно неверное слово могло запустить механизм в неподходящий момент.

— У меня металл застывает, — сказал начальник. — Каждая минута — вагон брака.

— А у меня неизвестный канал. Если команда оборвётся на середине, оператор услышит то, что захочет услышать.

— Ты отвечаешь за простой?

— Я отвечаю за связь. За движение ковша отвечаете вы.

Эта граница разозлила обоих, но сохранила порядок. Илья велел договориться о трёх коротких фразах: «стоп», «принял», «отвод разрешён». Никаких объяснений по шумной линии. Начальник смены повторил их дважды и только после этого поднялся наверх.

Глеб остался у пары. Илья нашёл служебный мотоцикл и через семь минут уже стучал в железную дверь склада. Диспетчер депо Тамара Белова впустила его без вопросов. Она помнила старые схемы лучше половины инженеров.

— Пожарная линия? — переспросила она. — В углу, под щитом. Только мы её не трогали лет десять.

— Поэтому она и могла выжить.

На щите не было подписей. Илья подсоединил прибор к первой паре — пусто. Ко второй — слабый ответ. На третьей стрелка дрогнула.

— Глеб, если это ты, дважды замкни.

Стрелка качнулась два раза.

Илья впервые за последние двадцать минут позволил себе вдохнуть полностью.

Через деповский коммутатор он соединил литейный цех с заводской энергетической службой. Голоса пошли по линии глухо, будто через толстую стену, но пошли. Начальник смены получил подтверждение, электрики вручную сняли блокировку, ковш медленно отвели на безопасную площадку.

В момент переключения связь снова просела. Илья услышал только «отвод...» и шорох. Он не позволил Тамаре соединить повторно, пока с верхней площадки не прибежал посыльный с письменным подтверждением. Лишь после этого энергетик подал питание. Ковш дёрнулся, замер, затем поплыл по балке. Под ним блестела освобождённая площадка.

Один рабочий всё-таки остался за ограждением — искал упавший инструмент. Начальник смены увидел его сверху и закричал, но сирена заглушила голос. Глеб заметил человека через окно пожарного поста, выбежал и стащил за воротник в безопасную зону. Через несколько секунд над тем местом прошла тень ковша.

— Вот почему команды должны быть короткими, — сказал Илья, когда Глеб вернулся.

— А людей надо считать до команды, — ответил тот, всё ещё тяжело дыша.

Илья записал это в аварийный журнал. Не как упрёк смене — как правило для следующего раза.

Рабочие у проходной ещё не знали, что опасность миновала. Они увидели только Илью, возвращавшегося к пожарному посту, и Глеба, который сидел на полу рядом с проводами.

— Никогда не думал, что обрадуюсь голосу главного энергетика, — сказал Глеб.

— Не привыкай.

Илья снял переносную трубку, но не спешил складывать инструмент. Треск на паре изменился. Среди хаотичных щелчков повторялся ровный короткий импульс: три раза, пауза, ещё три.

— Слышишь?

Глеб приложил трубку к уху.

— Наводка?

— Наводка не считает.

Они вышли к восточному коллектору. У люка стоял серый фургон «Контур», но людей рядом не было. Крышка оказалась закрыта, только грязь по краям была свежей. Илья присел и провёл пальцем по металлу.

Под слоем пыли проступила новая царапина от ключа.

Глеб принёс из узика фотоаппарат службы. Плёнки оставалось четыре кадра. Он снял люк, фургон и след, положив рядом линейку. Потом Илья заставил его записать время и фамилию охранника, который видел машину. Если утром след исчезнет, у них останется не только память.

Возле проходной их догнал мастер литейного. Он протянул Илье жетон рабочего, которого Глеб вытащил из опасной зоны.

— Парень в медпункте. Отделался ушибом. Просил отдать, чтобы не потерялось.

Илья положил жетон в карман рядом с ключами. На нём были выбиты имя и номер — простой способ не превратить человека в «одного пострадавшего».

Когда связь вернулась, он первым делом набрал домашний номер. Даша ответила после одного гудка.

— Ты опоздал на час и двенадцать минут.

— Знаю.

— На заводе авария?

— Уже нет.

Он хотел пообещать, что скоро будет дома, но посмотрел на свежую царапину и не произнёс этого.

— Разогрей суп ещё раз. Я позвоню.

— По работающему телефону?

— По любому, который найду.

Даша помолчала.

— Тогда я буду рядом с этим.

После разговора Илья вернулся к люку. Под пальцами металл уже остыл, а след ключа оставался резким.

Домой он пришёл после полуночи. Суп стоял на плите, рядом лежала записка Даши: «Разогревала два раза. Третий твой». Она не спала и делала вид, что читает учебник физики.

Илья положил на стол рабочий жетон литейщика.

— Зачем принёс чужой?

— Верну завтра.

— Ты всегда говоришь, что чужие вещи надо сразу отдавать.

Он рассказал о ковше, но не о человеке под ним. Даша спросила, почему связь исчезла сразу на телефоне и радио. Илья ответил привычным «проверяем», после чего заметил: дома это слово звучит как способ закончить разговор.

Он достал аварийный журнал и показал схему обхода. Объяснил, что старый кабель сохранился потому, что его забыли демонтировать. Даша провела пальцем от комбината к депо.

— Получается, город спасло то, про что никто не помнил?

— Город спасли люди, которые проверили, работает ли оно.

— А если следующий забытый провод не работает?

— Тогда нужен другой.

Она нарисовала рядом ещё одну линию, не зная улиц. Детский рисунок был технически бессмысленным и содержал правильную мысль: один резерв оставался единственной точкой отказа.

На следующее утро Илья вернулся к проходной комбината. Ночная смена уже разошлась, но мастер литейного цеха ждал его с тремя листами объяснений. В официальном журнале простой занимал семь минут. На листах рабочих время растянулось до двадцати шести: сна-

чала исчезла связь, затем остановили подачу металла, после сирены ещё девять минут искали начальника смены пешком.

— Почему в журнале семь? — спросил Илья.

— Столько стояло оборудование.

— А люди?

Мастер пожал плечами. Учёт знал температуру печи и положение заслонки, но не знал времени, когда бригада оставалась без команды. Илья попросил каждого рабочего отдельно отметить последовательность событий. Двое перепутали минуты, зато все помнили, кто прибежал первым и какой ковш уже двигался к разливке.

Он построил две линии времени: машинную и человеческую. На первой авария действительно длилась семь минут. На второй она начиналась со щелчка в телефоне и заканчивалась только тогда, когда последний участок узнал об отмене тревоги. Разница не доказывала саботаж, но показывала, почему официальный отчёт не способен его заметить.

Дома Даша наклеила свой рисунок над кухонным столом. Илья добавил к детской линии маленький кружок и подписал: «Кто отвечает?» Потом стёр вопросительный знак. Если у резерва нет человека, который услышит вызов, это всего лишь медь в земле.

Вечером он позвонил мастеру через восстановленную станцию и попросил проверить старый обход. Тот ответил, что не имеет распоряжения. Илья не стал убеждать его нарушить инструкцию. Они договорились о безопасном испытании в дневную смену с записью в журнале. Первый шаг к независимой сети начался не с тайного кабеля, а с согласованного времени.

Утром Илья прикрепил рисунок к внутренней стороне папки. Позже именно он напомним, что обход должен стать кольцом, а не новой главной линией.

Телефонная линия не оборвалась. Её выключили.

Карта без красного

К девяти утра город снова звонил так, будто ничего не случилось.

Илья стоял перед настенной схемой в кабинете Ланцова и смотрел, как начальник закрашивает вчерашнюю аварию серым карандашом. Красный означал внешнее вмешательство. Серый — естественный износ. Цвет определял, будет ли расследование.

— Ты не вскрывал коллектор, — сказал Ланцов. — Значит, не видел переключения.

— Я видел след ключа на люке.

— В городе двадцать тысяч ключей.

— И фургон «Контур».

— Они приехали устранять аварию.

— Раньше нас.

Ланцов отложил карандаш.

— Илья, сеть старая. Если каждый обрыв объявлять диверсией, мы через неделю останемся без партнёров и без зарплаты.

— Если каждый умышленный обрыв объявлять старостью, мы останемся без сети.

В кабинете сидели ещё двое: главный энергетик города Кравец и незнакомый мужчина в сером костюме. Незнакомец не представился, но на столе перед ним лежала папка с тонким знаком «Контур» — окружностью, разорванной в одном месте.

— Ваша находчивость на комбинате заслуживает уважения, — сказал мужчина. — Однако старые ведомственные линии не сертифицированы. Вчера вы подвергли предприятие дополнительному риску.

— Дополнительным риском был ковш над площадкой.

— Именно такой образ мышления мешает системной модернизации. Вы решаете одну задачу и не видите сеть целиком.

Илья посмотрел на карту.

— Покажите, что видите вы.

Мужчина улыбнулся, будто получил ожидаемый ответ.

— Лев Корнев. Директор региональных проектов. Через месяц мы представим городу программу восстановления связи. Надеюсь, вы будете разумнее выбирать слова до презентации.

Он забрал папку и вышел вместе с Кравцом. Ланцов дождался, пока дверь закроется.

— Ты понимаешь, с кем споришь?

— Пока нет. Поэтому и спрашиваю.

— «Контур» готов принять наши долги и вложиться в станцию. Если сделка сорвётся, зимой не будет ни запчастей, ни зарплаты. А твоя красная отметка отправит документы в прокуратуру и заморозит переговоры.

Илья посмотрел на серое пятно возле комбината. Оно было аккуратным, круглым и совершенно лживым.

— Дай мне сутки.

— На что?

— Проверить две другие аварии.

Ланцов нахмурился.

— Какие две?

Илья подошёл к карте. За последние три недели крупные отключения случились в Западном жилом массиве и возле грузовой станции. Он соединил точки линейкой. Получился широкий треугольник, внутри которого находились мэрия, радиостанция «Вектор», больница и центральный узел связи.

— Совпадение, — сказал Ланцов слишком быстро.

— Возможно. Через сутки скажу точнее.

— А если не дам?

— Тогда буду проверять в свободное время.

Ланцов потёр переносицу.

— До шести вечера. Без вскрытия, без журналистов и без красного карандаша.

Первую аварию Илья проверял вместе с Глебом. В Западном массиве кабель якобы повредил экскаватор, но в журнале земляных работ не было ни одной машины. Дежурная телефонистка вспомнила серый фургон, стоявший у шкафа за час до обрыва.

Телефонистку звали Вера Михайловна. Она работала в маленькой комнате при почте, где пахло сургучом и мокрыми пальто. В день аварии женщина записала номер фургона на обороте квитанции, потому что машина закрывала вход для почтового грузовика.

— Потом пришёл молодой человек из энергетического управления, — рассказала она. — Спросил, не видела ли я землекопов. Я сказала: какие землекопы, там асфальт целый. Он забрал квитанцию, сказал, приложит к акту.

— Фамилию назвал?

— Буров. Или Бурин. У него один глаз щурился.

Илья попросил описать разговор на чистом листе и подписать. Вера Михайловна взяла ручку, но остановилась.

— Меня из-за этого не уволят?

— Не знаю.

Глеб бросил на него недовольный взгляд. Можно было сказать «нет», получить подпись и уйти. Илья не стал покупать доказательство ложным обещанием.

— Если не хотите, я запишу ваши слова без имени. Но тогда это будет только направление для проверки.

Женщина ещё раз посмотрела в окно на серое здание почты.

— Пишите имя. Всё равно скоро нас сокращают.

Она подписала каждую страницу. Илья оставил ей копию — первое правило документа, который мог стать опасным для своего автора.

На грузовой станции картина повторилась. Официальной причиной записали воду в муфте. Муфта была сухой, зато её крепёж заменили новым.

Начальник станции показал фотографии, сделанные после ремонта. На одном снимке рядом с муфтой лежала заводская упаковка от нового крепежа. Партия была выпущена всего месяц назад, а акт утверждал, что корпус не вскрывали два года.

— Почему не возразили? — спросил Глеб.

— Возразил. Мне вернули акт с подписью городского энергетика. Сказали: хочешь спорить — докажи, что вода не высохла до проверки.

— А фотография?

— Я думал, снимаю работу для отчёта. Теперь выходит, снимал ложь.

Он разрешил забрать негатив только под расписку. Илья оформил её на себя, не на «Ярсвязь»: предприятие уже могло оказаться стороной спора.

— Три фургона, три свежих вмешательства, — сказал Глеб. — Теперь красный?

— Теперь вопрос: зачем именно эти точки.

Они разложили копии схем на столе кабельной мастерской. Глеб принёс чай в банках из-под горошка. Илья накладывал один план на другой: городские линии, ведомственные вводы, участки будущей модернизации.

К вечеру стол перестал вмещать бумаги. Они перенесли схемы на пол и прижали углы инструментальными ящиками. Глеб предложил искать объекты, которые «Контур» хотел

отключить. Илья перевернул задачу: какие линии должны оставаться живыми, чтобы аварии выглядели естественными?

Центральная станция сохраняла ровно столько резерва, чтобы принимать нагрузку после каждого отказа. Ни одна авария не разрушала систему сразу. Каждая демонстрировала её слабость на комиссии и одновременно не позволяла городу объявить чрезвычайное положение.

— Кто-то знает наши пределы, — сказал Глеб.

— Не приблизительно. До группы реле.

Доступ к расчётам имели Ланцов, Кравец, трое ведущих инженеров и консультанты «Контура». Илья написал фамилии на отдельных листках, но не стал обводить ни одну. Список доступа не был списком виновных.

Он проверил собственную подпись. Весной именно Илья подготовил таблицу допустимой нагрузки для проекта модернизации. Документ должен был помочь заменить оборудование без остановки города. Теперь по нему выбирали точки, где сеть можно ранить, не убив.

— Они используют твой расчёт? — спросил Глеб.

— Наш. Ты собирал данные по Западному массиву.

Удобное разделение на тех, кто ломает, и тех, кто чинит, стало менее чистым. Инструмент создали они сами. Вопрос был в том, кто решил применить его против города.

Совпадение проявилось не сразу. Все три аварии заставляли диспетчеров переводить нагрузку на центральную станцию. Каждый раз сеть выдерживала, но резерв уменьшался. После четвёртой крупной аварии центральный узел пришлось бы признать перегруженным и опасным.

— Они не ломают сеть, — сказал Илья. — Они заставляют её выглядеть неспособной работать без замены.

Глеб присвистнул.

— Ради сделки?

— Ради цены сделки.

В коридоре хлопнула дверь. Илья собрал схемы, но вошла не охрана. Женщина в коротком тёмном пальто поставила на стол кассетный магнитофон.

— Нина Соколова, радио «Вектор».

— Журналистов нам запретили до шести, — сказал Глеб.

— Сейчас шесть ноль три.

Она нажала клавишу. Из динамика донёсся голос заводского диспетчера, записанный накануне: «Литейная вызывает город. Ответьте. У нас привод...» Дальше шёл шум. Под ним повторялись три коротких импульса.

— Мне принесли две записи прежних аварий, — сказала Нина. — На каждой тот же сигнал. И перед каждой на нашу станцию звонили с номера, которого нет в городском справочнике.

— Служебные номера туда не входят.

— Этот не входит и в вашу служебную таблицу. Я проверила через знакомую телефонистку.

Илья выключил магнитофон.

— Кто дал вам запись с литейной?

— Человек, которому надоело ждать разрешения говорить.

— Это не ответ.

— А вы пока не тот человек, которому я назову имя.

Глеб посмотрел на Илью с любопытством. Илья снова включил запись и дослушал импульсы до конца. Три коротких, пауза, три коротких, длинный. Не аварийный шум. Команда.

На настенной карте кабельной мастерской не было цветных отметок. Илья взял красный карандаш и поставил три точки.

Он позвонил Ланцову и назвал номер партии крепежа, фамилию свидетеля и совпадение нагрузки. Начальник слушал молча.

— Ты просил сутки, — наконец сказал он.

— Прошло восемь часов.

— Значит, остальные шестнадцать потратить на то, чтобы не делать выводов вслух.

— Почему?

— Потому что завтра приезжает комиссия по сделке. Если сейчас всплывёт слово «саботаж», Кравец заберёт расследование у нас и все документы окажутся у него.

— Ты ему не доверяешь?

— Я не доверяю ситуации, в которой каждый уверен, что спасает город.

Ланцов положил трубку. Впервые его осторожность прозвучала не как трусость, а как страх человека, уже увидевшего часть механизма.

Илья и Глеб вернулись на грузовую станцию за официальной копией негатива. Начальник отказался: после их ухода ему позвонил Кравец и напомнил об ответственности за распространение ведомственных материалов.

— Вчера вы были готовы подписать, — сказал Глеб.

— Вчера речь шла о муфте. Сегодня — о сделке, из-за которой половина станции может остаться без работы.

Илья не давил. Попросил разрешения осмотреть место съёмки вместе с профсоюзным представителем. На земле всё ещё лежала пластиковая стяжка с маркировкой партии. Её не забрали: сфотографировали на месте, записали положение и вызвали участкового мастера.

Мастер подтвердил, что такие стяжки поступили только бригаде «Контур». Начальник станции услышал это не как слух от приезжих инженеров, а как показание своего коллеги. Он снова принёс негатив.

— Копию сделаете при мне. Оригинал остаётся здесь.

Это условие замедляло работу и защищало источник. Глеб впервые увидел, как согласие можно не вырывать обещанием, а построить процедурой.

В фотолаборатории проявили увеличенный кадр. На отражении в дверце шкафа виднелся человек с папкой городского энергетического управления. Лица не было, только характерная полосатая ручка портфеля. Илья видел такой у Бурова, но записал осторожнее: «неустановленный сотрудник с предметом, похожим на служебный портфель».

Глеб фыркнул:

— Пока мы выбираем слова, они выключают районы.

— Если выберем неверное, потом никто не поверит правильным.

Илья попросил у Ланцова копию критериев, по которым аварии становились серыми или красными. Начальник долго листал папку и наконец признал: отдельного документа нет. Цвет выбирал дежурный инженер, а при споре — руководитель смены. За пять лет ни одного спора в журнале не осталось.

Они подняли старые схемы за три месяца. Красным отмечали только повреждения с очевидным следом: вскрытой дверью, срезанной пломбой, чужим инструментом. Команда, пришедшая по исправному проводу, автоматически становилась «износом», потому что не оставляла физической царапины. Система классификации умела видеть лом, но не умысел.

Глеб предложил перекрасить подозрительные точки задним числом. Илья отказался. Они создали третий слой карты — жёлтый, для событий с неизвестной причиной, — и возле каждого поставили ссылку на исходную запись. Новая категория не доказывала вмешательства и не позволяла ему раствориться в сером.

Нина принесла кальку и наложила карту отключений на даты совещаний о продаже предприятия. Несколько точек совпали слишком красиво. Илья попросил добавить все аварии, включая невыгодные версии. После этого рисунок стал слабее: часть отказов не имела отношения к переговорам. Зато оставшиеся совпадения пережили честное сравнение.

Они договорились заранее записывать критерии будущей проверки: время команды, объект первой категории, отсутствие локальной причины, повторяемость маршрута. Если событие не проходило порог, его не включали в публичную схему. Карта перестала быть иллюстрацией подозрения и стала способом его опровергать.

Ланцов увидел жёлтые метки вечером. Не приказал снять их, но потребовал подписывать автора каждого решения. Илья первым поставил фамилию. Ответственность, которой начальник хотел его напугать, оказалась именно тем, чего не хватало прежним цветам.

Он сделал три копии: для станции, «Ярсвязи» и независимого хранения. На каждой поставили номер негатива и подписи присутствующих.

Четвёртая уже была намечена тонким проколом циркуля — возле городской больницы.

Чужая пломба

Шкаф у больницы открывался только после удара плечом.

Глеб навалился на дверцу, металл застонал, и из щели посыпалась ржавая крошка. За спиной проезжали троллейбусы, у приёмного покоя курили водители скорой. Было начало восьмого, город ещё не решил, станет день рабочим или дождливым.

— Если там ничего нет, — сказал Глеб, — мы просто два человека, которые ломают городской шкаф под окнами милиции.

— У нас наряд.

— Ланцов подписал осмотр линии, а не археологические раскопки.

Дверца наконец поддалась. Внутри рядами стояли клеммы, каждая с бумажной биркой. На первый взгляд всё было штатно. Илья проверил ввод, затем резервные пары. На двенадцатой заметил тонкую проволоку, ухидившую за монтажную панель.

Из приёмного покоя вышла женщина-врач и потребовала объяснить, почему инженеры работают без предупреждения.

— Мы проверяем резерв до аварии, — сказал Илья.

— Обычно вы приходите после.

— Поэтому сегодня лучше не мешать.

Она представилась Ольгой Сергеевной и осталась рядом. Больница уже дважды теряла внутреннюю связь на несколько минут, но заявки закрывали как ошибки аппаратов. Во время одного сбоя реанимация не могла дозвониться до лаборатории; санитар бежал с анализами через два корпуса.

— В журнал записали? — спросил Илья.

— Записали. Потом ваш диспетчер попросил заменить формулировку на «неустойчивый контакт абонента».

— Какой диспетчер?

Врач принесла копию заявки. В графе исполнителя стоял код смены, не фамилия. Код соответствовал центральному пульту семь.

Илья попросил её подписать время сегодняшнего осмотра. Теперь у шкафа был независимый свидетель.

— Фонарь.

Глеб посветил. За панелью прятался небольшой блок в чёрном корпусе. Его установили аккуратно, без заводской маркировки. Провода входили в линию больницы и в служебную пару, которая по документам не использовалась.

— Что это?

— Пока кусок пластмассы, который нам не принадлежит.

Илья не стал вытаскивать устройство. Сначала зарисовал соединения и переписал цифры с крошечной наклейки. На крепёжном винте висела пломба: окружность с разрывом.

Он проверил блок без разборки. На входе появлялся слабый управляющий импульс, на выходе линия оставалась целой. Устройство ждало команды. Илья попросил Глеба вызвать больничный пост с соседнего автомата. При наборе номера индикатор блока едва заметно мигнул.

— Он слышит каждый вызов, — прошептал Глеб.

— Или считает нагрузку.

— Какая разница?

— В суде — большая.

Илья записал измерение, прибор и погрешность. Он ненавидел эту медлительность, пока за стеной работали врачи. Но именно точность отделяла доказательство от истории, которую Корнев назовёт фантазией отстранённого инженера.

Глеб перестал улыбаться.

— «Контур».

Во дворе хлопнула автомобильная дверь.

Илья выглянул из-за шкафа. У тротуара остановился серый фургон. Двое мужчин в рабочих куртках направлялись к ним, третий остался у машины.

— Закрываем, — сказал Илья.

— А блок?

— Если снимем, они скажут, что мы его поставили.

Глеб вернул панель на место. Дверца шкафа снова заупрямилась. Мужчины были уже в двадцати шагах.

— Доброе утро, коллеги, — громко сказал первый. — У нас заявка на этот участок.

— У нас тоже, — ответил Илья.

— Теперь участок обслуживаем мы.

Он протянул бумагу с печатью городского энергетического управления. Внизу стояла вчерашняя дата. Согласно распоряжению, «Контур» получал временный доступ к узлам больницы для диагностики.

— Распоряжение не отменяет муниципальную ответственность, — сказал Илья.

— Обсудите с начальством.

Второй рабочий встал так, чтобы закрыть Глебу путь. Не угрожал, просто занял место. Первый протянул руку к шкафу.

Ольга Сергеевна вышла вперёд.

— Запишите в моём журнале, что устанавливаете и на какой срок.

— Все документы у администрации, — ответил рабочий.

— У администрации нет дежурства в реанимации.

Он попытался пройти мимо. Врач не отступила. Возникла пауза, в которой обычная профессиональная настойчивость оказалась сильнее формы с печатью.

Старший работник написал в журнале: «Диагностическое устройство, вмешательство в разговорный тракт исключено». Поставил неразборчивую подпись.

Илья попросил расшифровать фамилию. Мужчина отказался, но запись уже существовала. Если блок разорвёт линию, «Контур» не сможет утверждать, что не имел к нему отношения.

— Пломба ваша? — спросил Илья.

Мужчина посмотрел ему в лицо.

— Какая пломба?

Ответ прозвучал правильно, но на долю секунды раньше вопроса.

Илья отдал ключ.

— Закончили.

Они отошли к остановке. Глеб шёл медленно, засунув руки в карманы.

— Рисунок у тебя?

— Какой рисунок?

Илья остановился.

Глеб вынул из кармана сложенный лист.

— Учусь у профессионалов.

— Никогда больше не прячь рабочую схему в кармане при людях, которые могут тебя обыскать.

— Но сработало.

— Именно поэтому захочется повторить.

В троллейбусе Илья изучил цифры с наклейки. Серийный номер ничего не говорил, зато рядом стояло обозначение «К-4». Четвёртая точка. Возможно, остальные блоки носили номера от одного до трёх.

Управление встретило их запертой аппаратной. На двери висел приказ: до завершения проверки доступ инженерной группы Ветрова ограничить. Под приказом стояла подпись Ланцова.

— Шесть ноль три кончилось, — сказал Глеб.

Илья позвонил начальнику из автомата в вестибюле. Трубку сняли после восьмого гудка.

— Я предупреждал, — сказал Ланцов вместо приветствия.

— В больничном шкафу стоит чужое устройство на линии аварийного вызова.

— Ничего не трогай.

— Мы и не трогали. Устройство подключено к служебной паре. Пломба «Контур».

На другом конце стало тихо.

— Ты меня слышишь?

— Слышу. Возвращайся в кабинет.

— Я уже здесь.

— Тогда жди.

Ланцов положил трубку.

Глеб прислонился к стене.

— Он знал?

— Он испугался. Это не одно и то же.

Через стеклянные двери было видно, как во двор въехал серый фургон. Тот самый или другой — машины «Контур» выглядели одинаково. Из него вышли двое рабочих и Корнев без пальто.

— А вот этот не испугался, — сказал Глеб.

Корнев вошёл в здание, кивнул охраннику и направился прямо к ним.

Он остановился у стенда с фотографиями врачей. Несколько секунд рассматривал снимок детского хирурга, затем спросил у Ильи:

— Вчера через ваш обход передали вызов ребёнку с удушьем?

— Откуда знаете?

— Я читаю аварийные сводки. Не считайте меня человеком, которому нужны жертвы.

— Тогда снимите блок с линии больницы.

— Если я сниму каждый прибор из-за страха неправильного использования, сеть так и останется слепой. Мониторинг нужен, чтобы понимать её состояние.

— А дистанционное отключение?

Корнев посмотрел на него внимательнее.

— Любой выключатель опасен в чужой руке. Поэтому руки должны принадлежать ответственной организации.

В этом и состояло различие между ними. Корнев видел проблему в неправильном владении рубильника. Илья впервые подумал, что проблема может быть в самом единственном рубильнике.

— Вы быстро учитесь видеть сеть целиком, Илья Андреевич.

Илья не спрашивал, откуда тот знает про шкаф.

— А вы быстро получаете распоряжения задним числом.

— Город не может ждать, пока ваши ведомства договорятся. Мы устанавливаем диагностические модули. Законно и временно.

— На линии больницы без уведомления диспетчера?

— Уведомление направлено вашему руководству.

Ланцов появился в конце коридора. Он шёл медленно, словно каждый шаг требовал подписи.

— Борис Павлович, — сказал Корнев, не оборачиваясь. — Объясните сотруднику границы его полномочий.

Ланцов остановился рядом.

— Ветров, сдай ключи от распределительных шкафов.

Глеб выпрямился.

— За что?

— Тебя это не касается.

Илья положил связку на подоконник. Семнадцать ключей ударились друг о друга, и коридор на мгновение наполнился металлическим звоном.

— Все? — спросил Корнев.

— Все официальные.

Корнев улыбнулся.

В кармане Илья лежал маленький чугунный ключ от шкафов старой гражданской сети. Его не было ни в одном новом реестре.

До ухода из управления он составил служебную записку о найденном модуле. Секретарь отказалась принимать её без визы Ланцова. Илья попросил поставить отметку об отказе на своей копии. Тогда документ зарегистрировали.

Корнев наблюдал из коридора.

— Вы любите бумагу больше кабеля?

— Кабель можно заменить. Факт, который нигде не записан, вы скажете, что его не было.

— А запись скажет, что вы нашли неизвестное устройство. Не что оно вредно.

— Поэтому я и не написал больше.

Корнев кивнул с неожиданным уважением. Их методы различались не отношением к точности, а тем, кому точность должна давать власть.

Ольга Сергеевна добилась осмотра блока комиссией больницы. Представитель «Контура», электрик управления и Илья присутствовали как стороны. Устройство не снимали: проверили входной импульс на безопасной нагрузке. После команды К-4 блок разорвал тестовую цепь ровно через девяносто секунд.

— Защитное отключение при неисправности, — сказал представитель фирмы.

— Какая неисправность была на стенде? — спросила врач.

Ответа не нашлось. В акт внесли оба объяснения: фирма считала срабатывание штатным, Илья — дистанционно вызванным без измеряемой аварии. Комиссия не установила умысел, но доказала возможность вмешательства.

Когда Илья вышел из больницы, официальные ключи уже лежали у Ланцова, а старый чугунный ключ тяжело оттягивал карман. Он впервые подумал, что его собственный доступ тоже не подтверждён ничьим согласием. Пользоваться им можно было только там, где бездействие создавало большой риск и где оставались свидетели каждого шага.

Ольга Сергеевна собрала представителей больницы в тесной ординаторской: врача, электрика, заведующую хозяйством и дежурного охранника. Илья показал модуль К-4, не называя его устройством саботажа. Объяснил только наблюдаемое: пломба не принадлежит больнице, подключение не внесено в журнал, команда способна разомкнуть линию.

Электрик потребовал снять блок немедленно. Заведующая боялась утратить гарантию на шкаф. Врач напомнила, что ожидание комиссии оставляет канал под чужим управлением. Илья предложил обратимое решение: изолировать управляющую пару, не извлекая устройство, опечатать шкаф новой совместной пломбой и вызвать независимого специалиста.

Каждый подписал границу своей ответственности. Охранник фиксировал доступ, электрик выполнял переключение, врач подтверждала медицинский риск, Илья описывал схему. Никто не получал возможности позже сказать, что лишь выполнял чужую устную команду.

Во время работы к шкафу пришёл представитель «Контура». Он предъявил удостоверение без номера задания и назвал вмешательство опасным. Илья не спорил о мотивах. Попросил письменно указать, какую именно операцию следует прекратить и какой риск она создаёт. Представитель отказался подписываться и позвонил руководству.

Пока звонок ходил по кабинетам, больничный электрик установил изолирующую вставку. Модуль остался на месте, линия продолжила работать, а новая пломба получила четыре подписи. Впервые чужая власть над шкафом исчезла не потому, что кто-то оказался сильнее, а потому, что ей не удалось назвать своё основание.

Илья вернул чугунный ключ Аркадию через Глеба и попросил оформить передачу в журнале мастерской. Даже спасительный ключ не должен был существовать только в кармане правильного человека.

Уходя, Илья услышал, как в дежурной комнате зазвонил телефон. Дежурная подняла трубку, дважды сказала «алло» и посмотрела на аппарат.

Из трубки донеслись три коротких импульса, пауза и ещё три.

Четвёртая авария началась раньше, чем они рассчитывали.

Двадцать минут голоса

В больнице тишина распространялась по этажам быстрее любой новости.

Сначала перестали звонить аппараты в ординаторской. Потом санитарка прибежала в приёмное отделение и сказала, что лифт застрял между этажами. Через минуту дежурный врач обнаружил, что не может вызвать лабораторию. Водители скорой стояли во дворе и ждали адресов, которых никто не мог им передать.

Илья увидел всё это через стеклянные двери «Ярсвязи». Больница находилась через площадь; расстояние было небольшим, но официально он больше не имел права открыть ни один шкаф между ними.

На площади остановилась скорая. Водитель заколотил в двери приёмного покоя: внутренний звонок не работал. Санитары вынесли женщину на носилках, но лифт оставался между этажами. Носилки понесли по лестнице, разворачивая на каждой площадке.

Илья видел, как техническое слово «отключение» распадается на человеческие действия: кто-то бежит вместо звонка, кто-то ждёт вместо ответа, кто-то принимает решение без информации. В отчёте всё это уместится в продолжительность простоя.

— Можно позвонить Ланцову, — сказал Глеб.

— Мы уже звонили.

— Тогда в городское управление.

— Они позвонят Ланцову.

Нина стояла у окна с магнитофоном под мышкой.

— Есть третий вариант.

— Вы пойдёте в эфир и скажете, что город бросил больницу?

— Нет. Сначала спрошу город, у кого сохранилась связь.

Она ушла на радиостанцию. Илья достал из кармана старый ключ.

— А мы? — спросил Глеб.

— Проверим, существует ли то, чего нет на карте.

Служебный вход старой сети располагался в подвале бывшего штаба гражданской обороны. Теперь там хранили сломанные турникеты, дорожные знаки и коробки с архивными квитанциями. Ключ вошёл в замок не сразу. За дверью пахло мокрой известью и кабельной смолой.

На стене висел ручной коммутатор. Большинство гнёзд были пусты, но возле двух сохранились выцветшие надписи: «Трамвай» и «Медгородок».

— Больница, — сказал Глеб.

— Когда-то весь квартал назывался медгородком.

Они подключили переносный аппарат. На линии был слабый фон. Илья вызвал депо. После нескольких попыток ответила Тамара Белова.

Первая попытка закончилась коротким замыканием: из старого блока посыпались искры, и Глеб отдернул руку. Изоляция была мокрой, а две пары перепутали ещё при консервации. Если бы они подали полное напряжение, сгорел бы единственный живой участок.

— Можно рискнуть на малом, — предложил Глеб.

— Рискнуть кабелем или чужим вызовом?

— Вызов уже не проходит.

— Тогда не сделаем так, чтобы он не прошёл никогда.

Глеб стиснул зубы, но повторил проверку. Ошибка нашлась на третьей паре. Именно эта лишняя минута сохранила ввод.

— Ветров? У вас там опять конец света?

— Пока только связи. Соедини нас с городской станцией через диспетчерский ввод.

- Он для служебных разговоров.
- Это служебный.
- Тогда говори служебным голосом.

Через две минуты в трубке появился сигнал центральной станции. Обход работал, но его пропускной способности хватало на одну линию. Илья отправил Глеба в больницу с переносным аппаратом и длинной бухтой провода.

У дверей провода не хватило пяти метров. Водитель скорой снял удлинитель служебной рации, врач принесла провод от списанного аппарата. Соединение выглядело временным, зато Глеб проверил его прибором и закрыл от дождя.

Ольга Сергеевна установила порядок разговоров: сначала скорая, затем реанимация, потом лаборатория. Главный врач потребовал соединить его с мэрией.

- После экстренных служб, — сказал Илья.
- Я отвечаю за больницу.
- Тогда подтвердите этот порядок подписью.

Главный врач посмотрел на очередь возле аппарата и уступил. В кризисе должность пыталась стать приоритетом, но единственная линия заставляла назвать настоящую цену разговора.

В девять сорок семь главный врач услышал городского диспетчера. Первый вызов скорой ушёл к ребёнку с приступом удушья. Второй — к рабочему, обожжённому в литейном цехе. Третий пришлось ждать, пока закончат первые два разговора.

Четвёртым стал запрос крови для операции. Илья освободил линию, соединил лабораторию и заставил обе стороны повторить группу, фамилию пациента и количество. Разговор занял сорок секунд. Пока он шёл, водитель другой скорой ждал адрес. Идеального приоритета не существовало — только решение, которое кто-то должен был принять и записать.

Илья внёс порядок вызовов в журнал с точным временем. Позже каждый сможет спросить, почему его сообщение ждало. Это не делало выбор безошибочным, но не позволяло спрятать его за словом «авария».

В подвал спустилась Тамара. Она держала в руке листок с адресами.

— «Вектор» передал, что нужна помощь со связью. Люди звонят им и оставляют сообщения. Я переписываю для скорой.

Илья посмотрел на часы.

- Радиостанция стала диспетчерской.
- Когда город ломается, каждый становится не тем, кем числится.

На двадцатой минуте линия исчезла. Не ослабла, не зашумела — оборвалась чисто. Илья проверил контакты. С их стороны всё было исправно.

В трубке осталась врач из лаборатории. Её фраза оборвалась после слов «подтверждаю две...». Илья не знал, успела ли больница услышать конец. Глеб побежал через двор и вернулся с поднятым большим пальцем: услышали. Только тогда Илья отметил четвёртый круг закрытым.

- Нас нашли, — сказал Глеб.

Он вернулся из больницы запыхавшийся, но довольный: три машины успели получить адреса.

- Кто мог знать про этот ввод?

— Тот, у кого есть старые ведомственные карты. Или тот, кто наблюдал за нагрузкой на станции.

Сверху слышались шаги. В подвал вошли двое сотрудников «Контура» и милиционер. Старший показал распоряжение об опечатывании помещения.

- Несанкционированное подключение создаёт угрозу оборудованию.
 - Оборудование пережило тридцать лет без вас, — сказала Тамара.
- Милиционер отвёл глаза.

Илья отключил аппарат. Спорить сейчас значило потерять не только ключ, но и возможность узнать, где ещё сохранились старые линии.

У выхода его догнал водитель скорой.

— Ветров? Парнишку с удушьем довезли. Врач сказал, успели.

Он пожал Илье руку и побежал к машине.

Двадцать минут связи не спасли город. Они спасли одного ребёнка, и этого оказалось достаточно, чтобы Илья больше не мог считать происходящее спором о собственности.

На улице Нина раздала им по листку. На каждом были записаны имена и номера людей, откликнувшихся на эфир: радиолюбители, диспетчеры, монтажники, бывшие телефонистки.

Ольга Сергеевна передала копию больничного журнала. Оригинал оставался у неё, копия — у Ильи. Если одну запись заставят изменить, вторая сохранит расхождение. Илья понял: сеть начиналась не с кабеля, а с двух экземпляров правды, которые нельзя уничтожить одной подписью.

— Сорок три человека, — сказала она. — У четырнадцати есть рабочие аппараты, у семерых — кабель. Один утверждает, что хранит коммутатор на сто номеров.

— Где?

— В гараже.

Прежде чем ехать к гаражу, Илья собрал откликнувшихся в пустом зале радиостанции. Пришли двадцать два человека из сорока трёх. Остальные не могли оставить смену или боялись последствий.

Каждый предлагал своё оборудование как решение всей проблемы. Радиолюбитель обещал покрыть город эфиром. Бывшая телефонистка — восстановить ручной коммутатор. Монтажник считал, что достаточно украсть обратно городской кабель со склада «Контура».

Илья написал на доске четыре потребности: принять сообщение, подтвердить источник, передать исполнителю, получить ответ. Оказалось, ни один аппарат не решает цепочку целиком.

— Нам нужна служба, — сказал кто-то.

— Служба требует начальника, — ответил другой.

— Нам нужен порядок работы, — поправила Нина. — Начальник может появиться потом и всё испортить.

Первую версию порядка они проверили на шести вымышленных сообщениях. Нина играла растерянную родственницу, Глеб — нетерпеливого диспетчера, врач называла адрес с пропущенным корпусом. Илья быстро обнаружил, что его четыре пункта описывают движение информации, но ничего не говорят о человеке, который не умеет сформулировать просьбу.

Они добавили короткую форму разговора: где вы, что происходит сейчас, есть ли непосредственная опасность, как с вами связаться повторно. Запрещалось требовать полное объяснение до принятия срочных мер. Дежурный повторял записанное своими словами, чтобы звонивший мог исправить ошибку.

На пятом испытании Нина назвала адрес общежития старым уличным именем. Глеб не нашёл его на новой карте и отметил вызов как неполный. Тамара знала оба названия. К справочнику добавили прежние топонимы и местные ориентиры — рынок, водонапорную башню, трамвайное кольцо. Город разговаривал не канцелярской картой.

Затем Ольга Сергеевна дала настоящий, но несрочный вызов: требовалось найти водителя, который забрал анализы и не вернулся. Волонтёры прошли всю цепочку, обнаружили машину у закрытого переезда и получили обратное подтверждение. На это ушло четырнадцать минут. Официальная система справилась бы быстрее, если бы работала; новый порядок был ценен именно в её отсутствие.

Нина записала роли на отдельных карточках. Любой человек мог занять место оператора, курьера или проверяющего, прочитав одну страницу. Илья хотел добавить техническое прило-

жение, но команда отложила его: инструкция, которую нельзя понять во время аварии, обслуживает автора, а не пользователя.

На стене осталось свободное место для пятого пункта. Его не заполняли заранее. Порядок должен был расти из ошибок, а не притворяться законченным до первого настоящего звонка.

Они распределили первую разведку: кто проверяет старые линии, кто собирает исправные аппараты, кто составляет список критических объектов. Людей предупредили, что участие может вызвать вопросы начальства и что никакой оплаты пока нет. После этого ушли пятеро.

Оставшиеся подписали не клятву, а перечень задач и границ: не вскрывать действующие шкафы без допуска, не забирать чужое оборудование, не передавать непроверенную тревогу. Будущая сеть началась с ограничений собственной власти.

Глеб усмехнулся.

— Конечно. Где же ещё теперь хранить город.

Илья сложил список вчетверо. Официальная сеть была закрыта для него. Зато у города обнаружились люди, которые ещё могли соединять провода.

Абонент не существует

Радиостанция «Вектор» помещалась над магазином тканей. Внизу женщины спорили из-за последнего рулона синего ситца, наверху Нина пыталась выяснить, кто звонил из номера, которого не было.

Телефонный аппарат стоял прямо в студии. На его корпусе кто-то написал маркером: «Не ругаться — микрофон слышит». Илья снял крышку и осмотрел контакты.

— Аппарат исправен.

— Я и без инженера знала, что мне не приснилось, — сказала Нина.

Она разложила журнал звонков. В дни аварий неизвестный абонент выходил в эфирную линию за четыре или пять минут до отключения. Собеседник молчал. Иногда в трубке звучала последовательность импульсов.

Нина вела журнал не по инструкции. Рядом со временем ставила погоду, имя дежурного и тему передачи. Илья заметил совпадение: неизвестный звонил только во время живого эфира, когда аппарат был подключён к студийному выходу.

В день первой аварии гостем был профсоюзный представитель комбината. Во второй — депутат, выступавший против продажи «Ярсвязи». Вчера Нина собиралась обсуждать задержку зарплаты монтажникам. Звонки могли быть не только командами устройствам, но и проверкой информационного канала.

Список людей, знавших расписание, включал редакцию, городской пресс-центр и рекламный отдел. Слишком многие для прямого обвинения, но достаточно мало, чтобы утечка имела форму.

— Почему вы раньше не сообщили?

— Кому? Ваш начальник сказал бы, что это помеха. Милиция спросила бы, что у нас украли. Корнев предложил бы новый аппарат.

— Мне.

— До вчерашнего дня вы тоже считали, что всё можно решить через начальника.

Илья хотел возразить, но не нашёл точной формулировки. Вместо этого спросил:

— Записи по времени совпадают с авариями?

— До минуты.

Вошёл редактор станции Марат Еникеев, высокий человек с усталым лицом. Он положил на стол конверт.

— Это оставили внизу. Для Ветрова.

В конверте лежала копия таблицы служебных номеров «Ярсвязи». Один ряд был вырезан ножом. На обороте карандашом написали: «Номер не принадлежит абоненту. Он принадлежит режиму».

— Красиво, — сказал Марат. — Значит, почти наверняка бесполезно.

Илья поднёс лист к окну. На месте вырезанного ряда сохранились нижние части цифр. Последняя была четвёркой.

— К-4, — сказала Нина.

— Возможно.

— Вы всегда говорите «возможно», когда уже уверены?

— Особенно тогда.

Они поехали к старой автоматической станции в Северном районе. Там работала телефонистка Зоя Маркина, знакомая Нины. Она провела их в комнату учёта и достала списанные журналы.

Служебная нумерация менялась трижды. В самой старой таблице Илья нашёл искомый диапазон: номера не абонентов, а команд дистанционного переключения. Четвёрка управляла группой резервных реле больничного района.

Зоя достала учебную инструкцию. Команды создавались для чрезвычайного режима: если районная станция повреждена, инженер перераспределял линии больницы, пожарной части и штаба. После реформы систему должны были отключить, но акта о демонтаже не было.

Штатный порядок состоял из трёх шагов: команда, контрольный ответ и ручное подтверждение дежурного. В нынешних авариях третий шаг исчез. Модуль «Контур» превращал защиту от ошибки в автоматический разрыв.

— Кто мог изменить схему? — спросила Нина.

— Тот, у кого был доступ к пульту и районному шкафу. Значит, минимум двое.

Или один человек при поддержке организации. Илья предпочёл версию, требовавшую меньше предположений.

— Значит, звонок включает блок, — сказала Нина.

— Не обязательно включает. Может переводить линию в режим проверки, а уже блок разрывает её под нагрузкой.

Зоя покачала головой.

— Эти команды должны приниматься только с инженерного пульта.

— Если кто-то вывел служебную пару наружу, команду можно подать откуда угодно.

— Откуда именно?

Илья посмотрел записи. Все звонки проходили через центральный узел, но это ничего не доказывало: через него проходил почти весь город.

Зоя листала журнал дальше.

— Вот странность. После команды система отправляет контрольный ответ. Обычно на инженерный пульт. А здесь ответ уходит на свободную пару.

— Куда она ведёт?

— По документам никуда.

Нина рассмеялась без веселья.

— В этом городе всё важное ведёт туда, чего нет по документам.

Пара заканчивалась в распределительном пункте возле бывшего Дома быта. Теперь здание занимали десятки мелких фирм. Среди табличек у входа Илья увидел знакомый разорванный круг: «Контур. Абонентский отдел».

Они не стали входить. Нина записала адрес, Илья — номер пары. На противоположной стороне улицы стоял серый фургон.

Из здания вышел Ланцов с папкой «Контур». Он заметил их и сам перешёл дорогу. В папке оказалось соглашение о техническом обследовании служебных пар. Подпись стояла его.

— Ты разрешил доступ? — спросил Илья.

— К неиспользуемым линиям. Не к больнице и не к командам переключения. Я только сегодня узнал, что вход общий.

Нина спросила, готов ли он сказать это в эфире. Ланцов отказался: пока нарушение условий не доказано, его слова выглядели бы попыткой снять с себя ответственность.

Он ушёл пешком, оставив служебную машину у здания. Илья отметил мелочь: начальник не хотел, чтобы поездка появилась в путевом листе. Это могло защищать расследование — или его самого.

— Нам позволяют это увидеть, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы мы смотрели на дверь, а не на того, кто открывает её изнутри нашей станции.

Нина убрала блокнот.

— Значит, у вас есть человек «Контур»?

— Или у «Контура» есть человек, который пока считает себя нашим.

На обратном пути они заметили слежку. Фургон держался через две машины и исчез, когда Нина попросила водителя резко свернуть к рынку.

У радиостанции Марат встретил их новым сообщением: городской энергетик Кравец требовал прекратить передачи об авариях, чтобы «не провоцировать панику».

— Что ответим? — спросил он.

Нина посмотрела на Илью.

— Только проверенные факты, — сказал тот. — Больница была без связи. Временный канал работал двадцать минут. Причина отключения официально не названа.

— Скучно.

— Зато завтра нам поверят.

Нина включила микрофон и повторила почти слово в слово. В конце добавила номер, по которому горожане могли сообщать о неисправностях.

Телефон за стеклом зазвонил сразу.

Первый человек сообщил о мёртвой линии в котельной. Второй — о сером фургоне возле районного шкафа. Третий ничего не сказал. В трубке прозвучали три коротких импульса.

После импульсов различалась детская песня, передаваемая городским радио. Нина попросила слушателей сообщить, где передача звучит с задержкой. В одном квартале местный ретранслятор отставал ровно на две секунды — как на записи.

Источник находился возле городского энергетического управления. Это ещё не называло человека, но превращало весь город в измерительный прибор.

Илья посмотрел на часы.

Следующая команда уже ушла в сеть.

Котельная находилась ближе, чем больница, но дорога была перекрыта ремонтом. Илья, Нина и Глеб пошли через дворы, слушая переносной приёмник. Городское радио продолжало детскую передачу, ни словом не упоминая аварии.

У районного шкафа стоял тот же мастер, который утром отказался от «диагностики». Он не открывал дверцу и ждал свидетелей. Серый фургон появился через минуту. Работник «Контура» предъявил распоряжение, но номер документа совпадал с больничным — один приказ использовали для разных объектов.

Нина прочитала номер в прямой эфир. Марат позвонил в канцелярию энергетического управления и получил ответ: распоряжение действительно, приложение с перечнем районов «уточняется». Не подделка и не ясное разрешение — документ с намеренно размытым пределом.

Илья предложил безопасную проверку без подключения модуля. Представитель отказался и потребовал доступ. Мастер вызвал своего начальника, тот — городского диспетчера. Пока полномочия ходили по кругу, линия котельной продолжала работать.

Через двадцать минут «Контур» уехал. Это не доказывало, что они собирались отключить связь. Доказывало другое: без их вмешательства заявленная неисправность не проявилась.

Мастер сделал запись и поставил время. Илья попросил добавить температуру и нагрузку котельной, чтобы позднее нельзя было объяснить результат изменением режима.

Нина тем временем проверяла несуществующий номер через слушателей. Она не называла последние цифры и просила сообщать только о похожих звонках с точным временем. За час пришло двенадцать ответов, девять из них были пересказами её же эфира. Три содержали самостоятельные детали: одинаковый щелчок перед голосом и фон работающего двигателя.

Илья разделил свидетельства по происхождению. Повтор услышанного не считался новым источником, даже если рассказчик был уверен, что вспоминает сам. Один пенсионер обиделся, когда его сообщение пометили как зависимое. Нина объяснила это в следующем выпуске и попросила слушателей записывать наблюдения до обсуждения с соседями.

Два независимых звонка пришли из разных районов, но в одно время. Голос называл разные номера и одинаковую фразу о срочной проверке линии. Значит, цель могла состоять не в конкретном абоненте, а в создании привычки выполнять команды неизвестного техника.

На «Векторе» ввели обратный вызов по опубликованному номеру мастерской. Если человек представлялся службой, оператор завершал разговор и связывался с организацией самостоятельно. Для настоящих аварий оставили исключение: сначала выполнялись безопасные действия — закрыть доступ, предупредить людей, — а вмешательство в оборудование ждало подтверждения.

Вечером неизвестный позвонил снова и потребовал отключить передатчик из-за угрозы короткого замыкания. Марат уже потянулся к рубильнику, но Нина попросила его осмотреть щит: запаха, нагрева и дыма не было. Глеб позвонил дежурному электрику по известному номеру. Тот не отправлял заявку.

Передачу продолжили. Несуществующий абонент впервые столкнулся с процедурой, которую нельзя было убедить одним уверенным голосом.

— Вы всё превращаете в опыт, — сказала Нина.

— Иначе они всё превратят в мнение.

На обратном пути детская песня в приёмнике закончилась. Илья сверил время с записью неизвестного звонка. Задержка совпала с ретранслятором возле управления. Теперь у них были направление, команда и наблюдаемая реакция. Не было только руки у пульта.

Цена прямого провода

Котельная ещё отвечала, когда Илья туда добрался.

Дежурный говорил по телефону с диспетчером, а за окном двое работников «Контура» открывали распределительный шкаф. Илья подошёл к ним вместе с участковым мастером.

— На каком основании работы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.